

Научная статья
УДК 811.512.31
DOI 10.18101/2686-7095-2022-2-33-40

СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ НА *-ААТАЙ*, *-ООТОЙ*, *-ЭЭТЭЙ* В СОВРЕМЕННОМ БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

© Дамбуева Полина Петровна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языкознания РАН
Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1
polina-dambueva@iling-ran.ru

Аннотация. Во введении автор пишет о многозначности морфологических маркеров залога в бурятском языке, омонимии залоговых показателей, часто замещающих друг друга без ущерба для смысла. Особо отмечается, с привлечением примеров, что эта традиция характерна ещё для текстов средневековых памятников монгольской письменности. *Цель.* Автор ставит цель охарактеризовать малоизученные формы пассива на *-аатай*, *-оотой*, *-ээтэй*, которые, не в пример предыдущим аффиксам, отличаются «твёрдой позицией», выражая значение страдательного залога в любых условиях. *Результаты.* В статье получили описание синкретичность рассматриваемых форм, их глагольные и атрибутивные признаки, критерии их дифференциации; предпринята попытка определения их частеречной принадлежности и семантической структуры. Не обнаружив форм на *-аатай* в памятниках письменности средневековья, автор приходит к выводу, что они представляют собой инновацию, образовавшуюся в результате смены объектно-субъектных, темо-рематических связей в предложении. Говоря о перспективах, автор указывает на необходимость изучения актантов глагольной словоформы в пассивном обороте, в частности субъектного дополнения, которое в монгольских языках выражается не только творительным субъекта, но и дательно-местным и даже родительным падежом.

Ключевые слова: залог, пассив, пассивная конструкция, многозначность, омонимия, объектно-субъектные отношения, синкретизм, темо-рематические связи, неканонический пассив.

Для цитирования

Дамбуева П. П. Страдательные причастия на *-аатай*, *-оотой*, *-ээтэй* в современном бурятском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 2. С. 33–40.

Морфологические показатели залога в бурятском языке многозначны, уточнение их значений нередко разрешается в контексте. Традиция эта сохранилась с древних времён, судя по текстам сохранившихся памятников письменности «Сокровенное сказание монголов», «Мукаддимат-аль-Адаб», «Алтан тобчи» и др. В «Алтан тобчи», например, попадаются случаи использования аффикса каузатива в значении пассива: *Burqan-Qaldun-a bogesun-i tedui amin-iyau buljuguldaba* — «На Бурхан-Халдуне жизнь моя, что не больше, чем вошь, была спасена» [10, с. 18]. Есть случаи репрезентации пассива формой реципрока [10, с. 30; с. 47; с. 48]. Иногда наблюдается обратное, когда показатель

-*гдэ*, характерный для пассива, используется вместо маркера взаимного залога [10, с. 21].

В современном бурятском языке далеко не однозначны, например, показатели взаимного и совместного залогов — суффиксы *-лда*, *-лдэ*, *-лдо*; *-лса*, *-лсэ*, *-лсо*. В ряде случаев имеет место омонимия этих форм, они часто замещают друг друга без ущерба для смысла и ещё чаще выступают для обозначения множественности исполнителей действия. Глаголы с суффиксами взаимности в некоторых случаях не имеют значения взаимности: *угаалдаха* ‘мыться’, *хубаалдаха* ‘делиться’, *адалдаха* ‘цепляться’, что не удивительно: этими суффиксами выражено залоговое значение рефлексива. В грамматической литературе по монголоведению значения рефлексива не получили своего описания из-за отсутствия морфологических показателей, но ведь это не значит, что возвратных значений в языке нет: человек ежедневно выполняет массу действий, направленных на себя (так или иначе его затрагивающих): он просыпается, поднимается, одевается, моется и т. д. и т. д. Значит, информацию о возвратных значениях, указание на референтное тождество объекта субъекту следует искать в многозначности «чужих» показателей (а также на других, отличных от морфологического, ярусах языка, т. е. уже в контексте залоговости — поля, включающего в себя лексические единицы, синтаксические, фонетические и другие средства передачи залоговых значений, с привлечением референтного уровня, равно как и грамматически значимых семантических категорий — субъектно-объектных отношений в предложении, выявлением актантов глагольной словоформы, сирконстантов и т. д.).

Употребление маркера побудительного залога вместо показателя пассива зафиксировано даже в современных словарях. Например, на с. [117] бурятско-русского словаря К. М. Черемисова [1973] читаем: *буудуулха* 1) велеть стрелять; 2) быть застреленным. На с. [76]: *бажуулгаха* 1) велеть сдавить (или сжать); 2) быть сдавленным. На с. [90]: *барюулха* 1) велеть взять или поймать; 2) быть пойманным. Положение это подтверждается примерами из произведений современной бурятской литературы: *Ши*, *Мужутка*, *тигээгүй хаа*, *угытэйшуулдэ*, *улаантанда булялгуулхаи* [Б. Цыб.]. — «Если ты, Мужутка, не сделаешь этого (не спрячешь), то бедняки, красные у тебя отберут (деньги и золото)». В этом предложении очень примечательна каузативная форма *булялгуулхаи*: в ней использованы два побудительных суффикса, но дважды побудительная по форме, по содержанию конструкция является пассивной (Мужутка не мог побуждать красных отнять у него деньги и золото). Этот пример показывает, что иногда ведущую роль в разграничении залоговых значений выполняет не морфологический показатель, а контекст и прагматическая интерпретация высказывания. Сказанное позволяет утверждать: говоря о пассивных показателях, следует отдавать себе отчет в том, что чаще речь идет о морфологических предпосылках построения залоговых конструкций. Морфологическая характеристика бурятских страдательных глаголов с данными суффиксами может быть определена как слабая, недостаточная, поскольку сводится только к принципиальной способности как к побудительной, так и к страдательной реализации.

Однако в арсенале грамматических показателей пассива есть формы, отличающиеся непоколебимой «твёрдостью позиций», и это формы на *-аатай*, *-оотой*, *-ээтэй*, которые всегда, при любом раскладе, имеют значение только страдательного залога. Они образованы от причастий простого прошедшего времени (*оёо* 'сшил', *хушаа* 'укрыл') с помощью флексии совместного падежа *-тай*. Например, *бэшэ* 'писать' - *бэшээ* 'написавший' - *бэшээтэй* 'написанный'; *таби-* 'поставить' - *табья* 'поставивший' - *табьяатай* 'поставленный' [7, с. 57]. В списке суффиксов, данных в работе Г. А. Дырхеевой, О. В. Ринчинова, комплексы *аа + тай*, *оо + той*, *ээ + тэй* и другие рассматриваются как один суффикс [2, с. 23], с чем, вероятно, следует согласиться, так как, в отличие от аффикса совместного падежа *-тай* (*үнеэтэй*, *бэлигтэй*, *бузартай*, *хашиартай*), *-тай* в причастиях *хушаатай*, *үлгээтэй* вместе с предыдущими аффиксами *~аа*, *-ээ*, *-оо* выражает значение «подвергшийся действию со стороны, содержащий результат этого действия, который актуален в момент речи». Именно тому, что в семантике данных причастий на первый план выступает действие и его результат, а не производитель действия, конструкции с причастным пассивом обязаны своим предельно рецессивным характером: *Дугар мяха шанаба* 'Дугар сварил мясо'. - *Мяхан шанаатай* 'Мясо сварено'.

Формы на *-аатай* (*-ээтэй*, *-оотой*) синкретичны. Образованные от глагола, они совмещают признаки глагола и прилагательного. Признаки глагола грамматически выражаются прежде всего в наличии категорий времени, вида, залога, в сохранении модели глагольного управления и примыкания: *оохороор уяатай* — *югээр уяатай?* 'веревкой завязан' (чем завязан?), *шангаар уяатай* — *ямараар уяатай?* *хэрээр уяатай?* 'крепко завязан' (завязан как?).

В контексте формы на *-аатай*, *-оотой*, *-ээтэй* выполняют, как и глаголы, функцию сказуемого, что зафиксировано и порядком слов в предложении; в соединении с личными формами глагола *байха* 'быть' образуют аналитическую форму. И в то же время, подобно прилагательным, эти формы могут быть использованы в атрибутивной функции — в качестве определения: *Татаатай ковёрой дунда хушаатай модон орон* (Ж. Тум.). 'Покрытая (пледом) деревянная кровать (стоит) на расстеленном ковре'. Атрибутивное и предикативное употребление этих глагольных словоформ может быть дифференцировано, подобно случаю «*модон халбага* — *ургажа байһан модон* 'деревянная ложка — растущее дерево', по порядку слов в предложении или словосочетании: *Дэгэлни оёотой* — *һаянай оёотой дэгэл* 'Пальто (мое) сшито — Недавно сшитое пальто'.

Как видим, частеречный статус формы на *-аатай*, *-ээтэй*, *-оотой* несколько размыт, что, конечно, отражает более универсальные признаки, присущие монгольским и - шире — алтайским языкам: диффузность частей речи и в частности глагольно-именную неопределенность.

На основе сказанного формы типа *уяатай*, *бэшээтэй* можно, вероятно, квалифицировать как нефинитную форму глагола — причастие, а с учетом «страдательной» в грамматическом смысле семантики — как страдательное причастие. В пользу этого вывода говорит то: а) что пассивной является общая ориентация действия: оно совершено «кем-то со стороны» и направлено на объект, в отличие от субъектно-ориентированной активной конструкции с обычной подлежащно-сказуемостной структурой, обороты с данными

причастиями являются объектно-ориентированными; б) в конструкциях с рассматриваемыми причастиями представлен такой структурно-синтаксический признак пассива, как наличие или возможность распространения предложения субъектным дополнением: *модоор тушаатай үүдэн* 'дверь, подпёртая палкой'.

Таким образом, аффиксы *-аатай*, *-оотой*, *-ээтэй* одним своим появлением в структуре причастия автоматически маркируют значение страдательного залога. На это указывают кроме названных выше признаков унифицированный характер формы и специализация на выражении пассивного значения. Эта специализация настолько выражена, что аффиксы *-аатай*, *-оотой*, *-ээтэй* могут нейтрализовать значение другого суффикса: их присоединение, например, к форме побудительного залога подавляет побудительную семантику, придавая глагольной словоформе отчетливое значение пассива: *Үүдэ хаалгаха* 'попросить, заставить (кого-либо) закрыть дверь' / *Үүдэн хаалгаатай* 'дверь закрыта'. *Үнээ хаалгаха* 'попросить, заставить (кого-либо) подоить корову' / *Үнээн хаалгаатай* 'корова подоена'.

Форма на *-аатай*, когда она представляет собой причастие (формант *-тай* может иметь еще относительное прилагательное), маркирует уход субъекта с позиции подлежащего — произошедший сдвиг в сфере залога. Судя по тому, что ее использование не имеет тотального характера, хотя причастия на *-тай* употребляются достаточно часто, можно предположить, что в ее образовании имеются семантические ограничения. Причастие на *-аатай* образуется, вероятно, от глаголов, обозначающих, во-первых, действие, имеющее в своем течении предел (от предельных глаголов), если отталкиваться от ее перфектной формы. Эти формы обозначают завершенное действие, уже включающее в себя представления о его начале и конце. Во-вторых, эти глаголы главным образом обозначают действия, выражающие: а) изменение положения объекта в пространстве (*үлгөөтэй* 'повешено', *табяатай* 'поставлено'); б) установление его контакта с каким-либо другим объектом (*уяатай* 'связано, привязано', *сомоотой* 'собрано, свалено (в кучу)', *хушаатай* 'укрыто, покрыто чем-нибудь'); в) список этот, вероятно, может быть продолжен.

Причастия на *-аатай* выражают статальное, точнее результативное, значение (если нет аспектуально значимых обстоятельств), а значит, вполне могут быть названы результативными причастиями.

Время, выражаемое причастием на *-тай*, имеет сложную семантическую структуру. У глагольного пассива парадигма временных форм и по составу, и по значению не отличается от соотносительной парадигмы временных форм актива: *баригдана* 'задерживается (каким-либо обстоятельством)', *баригдаба* 'задержан', *баригдаха* 'будет задержан'. Причастный же пассив как бы связывает два временных плана: а) действие совершено до момента речи; б) последствия совершенного действия актуально сохраняются в момент речи (с моментом речи говорящим синхронизируется результат действия). С этим обстоятельством связано то, что *-аатай* и его варианты предпочтительно используются, когда интервал между временем совершения действия и моментом речи относительно невелик, благодаря чему и сохраняется актуальность высказывания. В зависимости от характера вспомогательного глагола форма результативного причастия может отражать разные временные планы: а) в сочетании с нулевой связкой обозначает

состояние, которое возникло в некоторый момент прошлого и существует в момент речи: *үбхэн сомоотой* 'сено собрано (в кучи)'; б) с вспомогательным глаголом прошедшего времени форма результативного причастия обозначает состояние, которое имело место до момента речи: *сомоотой байгаа* 'было собрано в кучи'; в) с вспомогательным глаголом будущего времени передает состояние, которое будет существовать после момента речи: *Хээрэ гарасаратнай үбхэн сомоотой байха*. — 'Когда доберетесь до поля, сено будет собрано'.

Таким образом, предложение типа *Мяхан шанаатай* 'Мясо сварено' представляет собой бессубъектный страдательный оборот, двучленную пассивную конструкцию, призванную с помощью морфологических показателей *-аатай*, *-оотой*, *-ээтэй* выполнять коммуникативную, прагматическую задачу: когда говорящего не занимает субъект, он предельно, вплоть до элиминации, снижает его коммуникативный ранг, делая его «неопределенным лицом», потому что у него иные акценты (для говорящего объект важнее, чем субъект, а в фокусе его внимания находится само действие, совершенное кем-то со стороны). Подобные двучленные пассивные конструкции с актантом в именительном падеже характеризуются тем, что субъекта в этих конструкциях нет, как нет каких-либо указаний на него из-за отсутствия такой необходимости.

Причастий на *-аатай* и его варианты в средневековых памятниках письменности не обнаружено. Это инновация, образовавшаяся в результате развития языка, а именно в результате смены субъектно-объектных, темарематических связей в предложении. Если «Мукаддимат-ал-Адаб» зафиксировал как обычное явление предложения типа «*Лихорадка схватила мужчину*» [МА, с. 120], «*Снег держал его*» [с. 149], «*Эта работа сделала меня печальным*» [с. 160], «*Спина животного стала с сединой*» [с. 96], «*Земля стала с травой*» (вместо «*покрылась травой*») [с. 150], «*Высокий человек стал дурак*» (вместо «*Высокий человек был одурачен*») [с. 96], то в последующем, включая современное состояние, язык развивался в сторону тематизации объекта путем его перевода в позицию подлежащего, и это вызвано прежде всего стремлением говорящего сделать предложение более разнообразным, избежав тавтологии, более красивым, благозвучным, а назвав не само действие, но его результат («*открыто*», «*схвачен*», «*взят*»), сделать свою речь лаконичной, отточенной и в то же время экспрессивной.

Категория залога, лежащая, по выражению В. В. Виноградова, на самой пограничной черте между грамматикой, лексикологией и фразеологией, в монголоведении в целом и в бурятоведении в частности представляет собой проблему, еще далекую от разрешения. Что касается пассивных значений, предстоит рассмотреть их с точки зрения актантов глагольной словоформы, в монгольских языках средства выражения, например субъектного дополнения, специфичны, могут выражаться не только творительным субъекта, но и дательным падежом и даже формой родительного падежа. В последнее десятилетие теория залога всё активнее дополняется сведениями о неканонических способах выражения пассива, когда на периферии поля залоговости привлекают внимание различные промежуточные явления в виде внутреннего противоречия пассивного содержания и активной формы.

К таким — неканоническим — способам образования пассива могут быть отнесены конструкции, включающие в свой состав имя существительное, в номинативном, свернутом виде обозначающее какую-либо ситуацию + вспомогательный глагол. В неканонических пассивных конструкциях могут быть использованы следующие глаголы.

Глаголы типа *орохо* в составе смыслового, лексического пассива, эквивалентного по значению пассивным формам, употребляются с дативом: *аманда орохо* ‘попасть в рот’, *перен.* поддаться (чьим-то) пустым обещаниям, позволить (кому-то) себя уговорить; *мэхэдэ орохо* ‘позволить (кому-либо) себя обмануть’; *гарта орохо* ‘попасть в (чьи-либо) лапы’, *перен.* ‘получить взбучку, подвергнуться головомойке’; *хүүртэ орохо* ‘быть вовлеченным в слухи’; *аягүй байдалда орохо* ‘попасть в неловкое положение’; *үбһэн хурада ороо* ‘сено (сухое) побито дождем’; *альбанда орохо* ‘попасть под чье-либо очарование’, *хэһээлтэдэ орохо* ‘подвергнуться наказанию’.

В активной по грамматической форме, но пассивной по содержанию конструкции могут быть использованы глаголы с общим значением «получить, взять что-либо»: *абаха, хуртэхэ, эдихэ*. Например: *сэгнэлтэ абаха* ‘получить оценку’, *түлхисэ абаха* ‘получить толчок, стимулироваться’, *хургаал абаха* ‘получить урок’, *ехэ хангалта абаха* ‘получить чувство глубокого удовлетворения’, *адис хуртэхэ* ‘быть благословленным’, *перен.* ‘получить взбучку’; *шагналда хуртэхэ* ‘удостоиться премии’.

С вспомогательными глаголами *үзэхэ, гараха* образуются пассивные конструкции с указанием на экспериенцера — объекта, чье состояние является результатом какого-либо внешнего воздействия: *жаргал үзэхэ* ‘испытать счастье’, *жаргалай заха үзэхэ* ‘испытать краешек счастья’, *туһа үзэхэ* ‘познать заботу (чью-либо со стороны)’, *бэрхэшээлые тэсэжэ гараха* ‘пройти испытание’, *нүхэ гараха* ‘продырявливаться (например, в результате выстрела)’, *гээгдэл үзэхэ* ‘испытать потерю’, *нүлөө(н) үзэхэ* ‘испытать чье-либо влияние’.

Для образования страдательной конструкции используются глаголы *болохо* ‘становиться’, *байха быть, болихо* ‘перестать’: *муһхэлгэ доро байха* ‘быть под следствием’, *мэдэл доро байха* ‘быть в чьем-либо ведении’, *абаха танаггүй болохо* ‘выходить из употребления, приходиться в негодность’; *баатай болохо* ‘быть вынужденным’.

К этой же тематической группе, вероятно, относится неканонический пассив, который можно назвать личным пассивом, адверсативным пассивом (выражающим нежелательное воздействие) на пациенса: *альяһархаха* ‘страдать от обилия мух, быть донимаемым мошкаркой’; *бороорхохо* ‘страдать от ревматических болей, которые связываются с переменной погоды: выпадением снега, дождя, наступлением ненастья’; *аягүйрхэхэ* ‘страдать от неловкости положения’, *хүйтэрхэхэ* ‘страдать от холода’, *мүнгэгүйрхэхэ, моригүйрхэхэ* ‘страдать от безденежья, безлошадности’. Иногда такие глаголы имеют дополнительное значение, например: *аюултаха* ‘подвергаться опасности’, *буритаха, яратаха, нүрөөтэхэ, алагтаха, мүльһэтэхэ, даһтатаха, хүлхэнтэхэ, замагтаха* ‘покрыться плесенью, болячками, оспинами, полосками (пестринками), льдом, солью, вмятинами, тиной (водорослями)’.

Говоря о подобных неканонических способах выражения пассива, мы отдаём себе отчёт в том, что речь идёт и о свойствах, присущих лексико-семантической природе глагольных основ. Следовательно, речь идёт о периферийном способе передачи пассива. Но именно такой характер многих средств выражения грамматических значений в монгольских языках всякий раз приковывает внимание: он свидетельствует о том, что при выраженной асимметрии планов содержания и выражения роль специфического маркера могут взять на себя периферийные, в первую очередь лексические, элементы. Впрочем, в пределах рассматриваемого частного языкознания эти элементы могут оказаться не такими уж и периферийными.

Литература

1. Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 336 с. Текст: непосредственный.
2. Дырхеева Г. А., Ринчинов О. С. Морфологическая структура слова в бурятском языке: лингвостатистическое описание (на материале художественного текста). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 98 с. Текст: непосредственный.
3. Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. Москва: Наука, 1973. 438 с. Текст: непосредственный.
4. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц, Монгол хэлний үг нөхцөл хоёр нь. Улан-Батор, 1968. 190 х.
5. Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». Москва, 1984. 234 с. Текст: непосредственный.
6. Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат-ал-Адаб. Москва; Ленинград, 1938. 452 с. Текст: непосредственный.
7. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. Москва, 1963. 266 с. Текст: непосредственный.
8. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. Москва, 1979. 147 с. Текст: непосредственный.
9. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 1973. 803 с. Текст: непосредственный.
10. Hans-Peter Vietz, Gendeng Lubsang. Altan Tobci. Eine mongolische Chronik des XVII. Text und Index. Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. Tokio, 1992. 278 p.

Список сокращений

1. Б. Цыб. — Батожаб Цыбиков. Согто-Уулын суурян // Байгал. 1989. № 3. С. 3–48.
2. Ж. Тум. — Жамсо Тумунов. Нойrhoо хэриhэн тала. Улан-Удэ, 1949. С. 33.
3. МА — Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат-ал-Адаб. Москва; Ленинград, 1938. 452 с.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 18.04.2022.

PASSIVE PARTICIPLES END IN *-ААТАЙ*, *-ООТОЙ*, *-ЭЭТЭЙ*
IN THE MODERN BURYAT LANGUAGE

Polina P. Dambueva

Dr. Sci. (Phil.), Leading Researcher,
Institute of Linguistics RAS
1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russia
polina-dambueva@iling-ran.ru

Abstract. The introduction of the article considers the ambiguity of morphological voice markers in the Buryat language, the homonymy of voice indicators, often replacing each other without loss of the meaning. We have shown on the examples that this tradition is also characteristic of the texts of medieval monuments of Mongolian writing. The purpose of this article is to characterize the little-studied forms of passive participles end in *-аамай*, *-оомой*, *-ээмэй*, which, unlike the previous affixes, are distinguished by a “hard position”, expressing the meaning of the passive voice in any conditions. The article describes the syncretism of the considered forms, their verbal and attributive features, the criteria for their differentiation. We have made an attempt to determine their part-of-speech affiliation and semantic structure. Failing to find the forms end in *-аамай* in the writings of the Middle Ages, we have come to the conclusion that they are an innovation developed as a result of a change in object-subject, thematic-rhematic relations in the sentence. Speaking about the prospects, we emphasizes the need to study the actants of the verbal word form in passive construction, in particular the subject complement, which is expressed in the Mongolian languages not only by the ablative case of the subject, but also by the dative-local and even the genitive cases.

Keywords: voice, passive, passive construction, polysemy, homonymy, object-subject relations, syncretism, thematic-rhematic relations, non-canonical passive.

For citation

Dambueva P. P. Passive Participles End in *-аамай*, *-оомой*, *-ээмэй* in the Modern Buryat Language. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2022; 2: 33–40 (In Russ.).

The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 18.04.2022.